

Р. М. Тонкова-Яковкина

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ ВНУТРИ ЯКОБИНСКОГО БЛОКА по ВОПРОСАМ МАКСИМУМА и РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРА ОСЕНЬЮ и ЗИМОЙ 1793-1794 г.

**В сб. «Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции»
М.-Л.: соцэкгиз. 1931. С.387-405.**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Основная общенациональная задача, стоявшая перед революционной Францией осенью 1793 г., заключалась в сохранении единства и нераздельности республики, в ее защите от внешних и внутренних врагов. Необходимость предотвратить восстановление только что свергнутого феодально-абсолютистского строя и отстоять демократические социальные и политические завоевания революции - сплотила в это время вокруг якобинской диктатуры большинство французского народа, раскрыла «общенациональный» характер революции. Связь с широкими народными массами обеспечивала прочность и устойчивость якобинской диктатуры в период наивысшей опасности для молодой республики.

Однако единодушие среди различных слоев французского народа, которого добились якобинцы, не могло быть длительным. Классовые противоречия, обусловленные разнородностью входивших в якобинский блок социальных сил, начали проявляться все более отчетливо по мере уменьшения опасностей, которые в сентябре-октябре 1793 г. реально угрожали существованию республики.

Внешним выражением размежевания, начавшегося внутри якобинского блока осенью 1793 г., явились расхождения по внутривнутриполитическим, в особенности социально-экономическим проблемам, по проблемам внешней политики, а также по религиозно-церковному вопросу. Эти расхождения привели к обострению политической борьбы, закончившейся поражением плебейской линии в революции, распадом якобинского блока и эшафотом для левых, якобинцев, что, в свою очередь, ослабило саму революционную диктатуру и ускорило ее гибель.

Социально-экономический вопрос, в частности вопрос продовольственный, был одним из тех основных вопросов, по которым расхождение между буржуазной и плебейской линиями было особенно глубоким.

Парижское плебейство, продолжавшее на всем протяжении первых лет революции испытывать нужду и лишения - выдвинуло в 1793 г. в выступлениях защитников интересов бедноты - «бешеных» - конкретные требования, удовлетворение которых должно было улучшить ее материальное положение. Эти требования, составившие в конечном счете содержание социально-экономической программы плебейства, сводились к следующим двум основным пунктам: во-первых, установление твердых цен на предметы первой необходимости, так называемый всеобщий максимум, в соединении с беспощадной борьбой со скупщиками, спекулянтами и т.п.; во-вторых, постановка в порядок дня революционного террора, как орудия политической борьбы, обеспечивающего истребление внутренних врагов республики и проведение в жизнь нового курса экономической политики.

Парижское плебейство не осталось одиноким в этой своей борьбе. Союзниками плебейских масс явились в это время многочисленные представители революционной мелкой буржуазии, также в той или иной степени страдавшие от материальных лишений.

Плебейство и мелкая революционная буржуазия, объединенные общими насущными интересами, выступили единым фронтом на защиту своих социально-экономических требований.

Об отношении санкюлотов к максимуму, к его нарушителям и к революционному террору дает яркое представление газета Эбера «Отец Дюшен», ставшая в последний период своего существования (1793-1794) подлинно народной газетой. Разделяя и отстаивая практическую социально-экономическую программу своих читателей-санкюлотов, Эбер выступал как преемник «бешеных». Однако, в своих конечных целях он не шел так далеко, как, например, Варле или Леклерк. Не случайно К.Маркс, назвавший наряду с Жаком Ру и Леклерком и Эбера в первоначальной заметке к тому месту «Святого семейства», в котором шла речь о генезисе коммунистической идеи в период революции 1789-1794 гг., опустил затем его имя в окончательном тексте этого раздела.²

Вопрос о максимуме

В августе 1793 г. продовольственный вопрос продолжал находиться в центре внимания парижских санкюлотов. После принятия Конвентом декрета от 9 августа об учреждении государственных зернохранилищ, так называемых «складов изобилия», Эбер в своей газете «Отец Дюшен» настойчиво требовал осуществления этой «спасительной меры». «Пусть весь урожай этого года изобилия будет куплен государством, - писал он. - Когда вес будут снабжены продовольствием, пусть во всех департаментах излишки будут сосредоточены на складах».³ «Прежде всего нам необходимо обеспечить себя продовольствием в масштабе всей республики, создать общественные житницы»,⁴ - повторял «Отец Дюшен» неделю спустя.

Однако, Конвент слабо реагировал на эти настойчивые требования санкюлотов и пытался ограничиться полумерами: 19 августа 1793 г был принят декрет о твердых ценах на топливо, растительное масло, 20 августа - на овес.

В дни массового «плебейского натиска» 4-5 сентября 1793 г. рабоче-ремесленный люд добился от Конвента обещания в течение ближайшей недели выполнить требования народа и ввести твердые цены на все продукты первой необходимости.⁵

В ожидании издания этого декрета о всеобщем максимуме Эбер продолжал вести энергичную, наступательную агитацию за улучшение материального положения санкюлотов, выдвигавшую широкие социальные цели. «...Слишком долго колесо фортуны было слепым... - писал он, - пусть оно повернется, наконец, в сторону санкюлотов. Солнце светит для всех людей. Земля, наша общая мать, производящая с избытком все сокровища, до сих пор была мачехой для бедняков, которые ее обрабатывали. Пусть урожай, плоды, которыми она покрыта, более равномерно распределяются среди ее детей... *Вот чего хотели санкюлоты, когда они совершали революцию*».

11 сентября был издан декрет о максимуме на зерно, муку и фураж, но и это уже не могло удовлетворить народ. 22 сентября все 48 секций Парижа направили в Конвент делегацию с настойчивым и грозным требованием ускорить введение всеобщего максимума.⁷

В эти дни газета Эбера не переставала напоминать о бедственном положении санкюлотов и призывала их к активным выступлениям против скупщиков. «Повсюду народ страдает, томится, приходит в отчаяние, - писал Эбер. - На декреты Конвента плюют. С тех пор, как он установил твердые цены на зерно, толстые фермеры зарывают и землю наше продовольствие. Со времени издания декрета против скупщиков (27 июля 1793 г.), торговцы опустошают свои магазины, и никто не знает, что происходит с их товарами... Во всех департаментах санкюлоты изнемогают. Ну что же, пусть санкюлоты поднимаются, пусть они захватывают все имущество толстых фермеров-скупщиков и пусть они угрожают покончить с ними, если голод продлится».⁸

Настойчивые требования народных масс о введении твердых цен на предметы первой необходимости достигли своей цели: 29 сентября 1793 г. был принят декрет о всеобщем максимуме.

Однако наряду с регламентацией цен на предметы первой необходимости, новый закон устанавливал также максимум заработной платы, и предоставлял муниципалитетам право принудительного найма рабочих и ареста тех из них, которые без уважительных причин отказывались от исполнения своих обычных работ.⁹ В тех местностях, где товарно-продуктовый максимум нарушался или вообще не соблюдался, установление такого рода предельной ставки заработной платы причиняло особенно чувствительный ущерб городским и сельским рабочим, вызывало среди них недовольство, максимум заработной платы нарушался, они уклонялись от работы.

Что же касается статей закона от 29 сентября 1793 г., устанавливавших товарно-продуктовый максимум, то как в Париже, так и в департаментах беднейшие слои населения встретили их с большим удовлетворением. Об этом свидетельствуют донесения комиссаров Конвента и многочисленные приветствия Конвенту в связи с изданием этого закона. Та исключительная популярность, которая выпала на долю товарно-продуктового максимума среди санкюлотов города и деревни, объясняется классовой сущностью этого мероприятия, отвечавшего жизненным интересам широких народных масс.

Городская и деревенская беднота, под давлением которой был принят закон о максимуме, возлагала на него большие надежды. В ее представлении максимум должен был покончить со спекуляцией, сделать продукты питания доступными для трудовых масс, установить справедливое отношение между стоимостью продовольствия и курсом ассигнатов. Поддерживаемый режимом террора и реквизицией, режим максимума должен был обеспечить санкюлотам материальные плоды революции, а по мысли некоторых их идеологов - даже явиться началом не только ограничения, но и полного вытеснения государством частнокапиталистических форм обращения.

Совершенно естественно, что торговцы (в особенности крупные) и богатые фермеры встретили закон о всеобщем максимуме с нескрываемой враждебностью. Они использовали время между 29 сентября (днем издания закона) и 12 октября (первым днем его применения) для того, чтобы припрятать товары или распределить их между родственниками и знакомыми.

Отрицательное отношение зажиточных фермеров к закону о максимуме объясняется их классовой природой мелких буржуа, что так четко было определено Ф.Энгельсом. «В первой французской революции, - писал он, - крестьяне выступали революционно лишь до тех пор, пока этого требовали их ближайшие, ясно ощутимые частные интересы, пока не было обеспечено за ними право собственности на их клочок земли, возделывавшийся ими ранее в условиях феодальных отношений, пока не были раз навсегда упразднены эти отношения и чужеземные армии не были удалены из их краев. Когда же это было достигнуто, они со всем неистовством слепой жадности обратились против непонятного им движения больших городов, и особенно против движения в Париже. Бесчисленные прокламации Комитета общественного спасения, бесчисленные декреты Конвента, прежде всего о максимуме и о спекулянтах, летучие отряды и передвижные гильотины - все это пришлось пустить в ход против упрямых крестьян».¹⁰

Результаты проведения в жизнь нового закона были не везде одинаковы и зависели от соотношения классовых сил на местах. Так, в Париже, где санкюлоты были организованы в секциях и народных обществах и оказывали давление на Конвент, а также в целом ряде других городов и сельских комму» товарно-продуктовый максимум принес в течение короткого периода его полного применения (с середины октября по конец декабря 1793 г.) действительно значительное облегчение материального положения трудящихся. В Париже в течение этих месяцев были лишь единичные случаи нарушения максимума.

С конца декабря 1793 г., когда в связи с успехами республиканских войск отпали опасности, реально угрожавшие осенью этого года революционным завоеваниям, подвоз продуктов в столицу и в провинциальные центры резко сократился. Торговцы и крупные фермеры стали все меньше считаться с максимумом; крестьяне-середняки тоже отказывались везти свои продукты на городские рынки, чтобы не продавать их там по твердым ценам. В Комитет общественного спасения стали отовсюду поступать жалобы на нарушение закона о максимуме» на вздорожание предметов первой необходимости и вызываемое всем этим ухудшение продовольственного положения.

Идея товарно-продуктового максимума, которую так энергично отстаивали «бешеные», а вслед за ними и некоторые левые якобинцы (в том числе Эбер), не возникла самопроизвольно в головах выразителей интересов бедноты. Это требование выдвигали и энергично поддерживали широкие народные массы. Закон о максимуме отвечал жизненным интересам большинства населения и на определенном этапе революции рассматривался его демократическими слоями и выразителями их интересов - «бешеными» и левыми якобинцами - как постоянная мера, направленная на уничтожение как крупной, оптовой, так и мелкой розничной частной торговли предметами первой необходимости, т.е. как мера, исключая свободную торговлю. Однако «бешеные», отстаивавшие максимум как меру постоянную, не выдвигали в то же время требования о переходе к государственному, амбару и к распределению продуктов государством.

Это объясняется тем, что в своих практических требованиях «бешеные», отражая и в этом отношении характер взглядов плебейских масс, в этот момент не связывали фактически осуществление идеи всеобщего максимума с критикой самого принципа частной собственности.

Между тем в это время уже проскальзывало, хотя и не получило сколько-нибудь заметного распространения, понимание всеобщего максимума, как начала перехода к более справедливому строю «общности». Одним из документов, в которых это выразилось наиболее отчетливо, является письмо заместителя депутата Конвента от департамента Монблан адвокат Греню, написанное им одному из своих друзей и ноябре 1793. «Я полагаю, - писал Греню, - что принципы максимума ведут к общности, которая, возможно, является единственным средством, спасающим республику, поскольку оно уничтожает личные притязания, постоянно борющиеся против равенства и толкающие всех к реакции. Вы увидите, что для установления максимума понадобится создание национальных магазинов, чтобы собирать излишки производства и потребления с целью распределить их затем на основах равенства. А тогда мы придем к общности, при которой каждый предоставляет продукт своего труда всем и для распределения между всеми... Я скажу вам еще больше. Это будет совершенством равенства и свободы. И я иначе и не представляю себе Республики. Это - не аграрный закон, который не мог бы просуществовать и 24 часов в том случае, если вы сохраните свободу за индивидуальными притязаниями. Общность - вот великий принцип Республики».¹¹

Осуждает частную торговлю, хотя и не приходит, подобно Греню, к столь смелым, радикальным социальным выводам и Бюиссар, писавший М.Робеспьеру из Арраса 2 февраля 1794 г., что повиновение максимуму «делает нас жертвами его несоблюдения окружающими нас коммунами... Надо уничтожить торговую аристократию так же, как уничтожена аристократия духовенства и дворянства; только коммуны с комитетом продовольствия и торговли должны иметь исключительное право торговли».¹²

Однако, повторяем, мысль Греню была редким исключением в общей атмосфере понимания сущности максимума идеологами плебеев и санкюлотов. Значение этой мысли в том, что она помогает нам понять, почему максимум не смог избавить на длительный срок городскую и деревенскую бедноту от огромных материальных лишений, которые выпали на ее долю во время революции. Дело было не только в происках контрреволюционеров или в алчности фермеров и скупщиков, на что постоянно указывали Жак Ру, Леклерк, Эбер и др., не только в войне и блокаде, последствия которых они не всегда достаточно учитывали. Главная причина неудачи, которую в конечном счете должен был потерпеть максимум, заключалась в том, что даже левое крыло идеологов плебейства мыслило его как закон, осуществляющийся при частнособственнических отношениях производства, да иные в то время и не были возможны. В то же время всеобщий максимум, противореча объективным законам капиталистического хозяйства, мог быть из военно-политических соображений лишь временно терпим городской и сельской буржуазией.

Не удивительно, что уже с конца декабря 1793 г., в связи с успехами армий республики, когда была отведена внешняя угроза революционным завоеваниям, торговцы и крупные фермеры стали все меньше и меньше считаться с максимумом.

В середине февраля 1794 г. отсутствие предметов первой необходимости стало ощущаться особенно остро. Революционные мероприятия - декрет против скупщиков и декрет о товарно-продуктовом максимуме, принятые под прямым давлением санкюлотов, оказались бессильными разрешить продовольственный вопрос.

Резкое несоответствие между имущественным положением санкюлотов и противостоящих им богачей, торговцев и скупщиков обостряло классовую рознь и вызывало негодование, возмущение и крайнее недовольство среди неимущих слоев населения.

Для того чтобы возможно быстрее и решительнее покончить с таким положением, Эбер считал необходимым, с одной стороны, еще больше усилить террор по отношению к скупщикам, богатым фермерам, оптовым и розничным торговцам, с другой стороны, строго соблюдать закон о максимуме, как меру постоянную. Эти требования и были выдвинуты Эбером в очередном «Гневе Отца Дюшена»: «Я закусываю удила, я швыряю в сторону мои печи, чтобы заниматься лишь скупщиками и эксплуататорами, - говорил отец Дюшен. - Богатые фермеры, торговцы и продавцы всякого рода, я объявляю им бой не на жизнь, а на смерть. Я одинаково не дам пощады как уличному торговцу зелению, так и самому крупному купцу... Пусть скупой фермер, отказывающийся продавать свое продовольствие по твердым ценам, будет выдан властям...».¹³

Вполне закономерно, что обострение продовольственного положения в столице и департаментах Франции в 1793-1794 гг. дало новую пищу и новое оружие политической борьбе, в процессе которой выявилось различное отношение отдельных группировок якобинского блока к максимуму, как к чрезвычайной революционной мере.

Правящая политическая группировка, возглавлявшаяся Робеспьером, отстаивала, по преимуществу, интересы революционной мелкой буржуазии - крестьян-середняков и самостоятельных хозяев-ремесленников. Идеалом революционной мелкой буржуазии была буржуазно-демократическая республика, основанная на уравнилельных принципах «Общественного договора» Руссо, покоящаяся на известном равенстве имуществ, не имеющая ни богатых, ни бедных, состоящая из свободных мелких производителей - ремесленников и крестьян, для которых трудовая частная собственность священна и неприкосновенна.

Всеобщий товарно-продуктовый максимум, регламентировавший торговлю и затрагивавший интересы собственников, противоречил принципам буржуазной политической экономии, разделявшимся робеспьеристами. Они временно положили его в основу своей социально-экономической политики, Подчиняясь требованиям городской и деревенской бедноты и условиям чрезвычайной внешнеполитической обстановки, угрожавшей уничтожить все завоевания революции. Это была, таким образом, вынужденная уступка робеспьеристов плебейской линии в революции, хотя нельзя не учитывать при этом и значения эгалитаристских устремлений в их мировоззрении. В силу этого, в противоположность «бешеным» и некоторым левым якобинцам, робеспьеристы смотрели на максимум как на временную и скоропреходящую меру, осуществление которой в тот момент было необходимо для «общественного спасения».

Дантониисты, выразители интересов «новой», крупной буржуазии, разбогатевшей за счет революции, наживавшейся на спекуляции продуктами питания, относились отрицательно к максимуму, как к социальному мероприятию, проводимому революционным правительством в интересах городской и деревенской бедноты. Противодействие дантониистов новому закону, направленное и против левых якобинцев и против робеспьеристов, было глухое и сдержанное. Используя глубоко ошибочную мысль в выступлениях робеспьеристов того периода, когда они, еще противясь введению максимума, утверждали, что он является контрреволюционным маневром, дантониисты теперь заявляли, что левые якобинцы, содействовавшие принятию закона о максимуме и всемерно поддерживавшие его поздней осенью 1793 г., сами являются агентами английского первого министра Питта, работающими на руку контрреволюции.¹⁴

Закрывая глаза на социально-экономические причины, вызвавшие тяжелое продовольственное положение народных масс, дантониисты использовали закон о максимуме для попыток дискредитации правящей партии в их глазах. Возлагая всю ответственность за нужду и лишения, испытывавшиеся санкюлотами, на революционное правительство, журналист Камилл Демулен демагогически заявлял в органе дантониистов «Старый кордельер», что нищета несовместима со свободой, что свобода должна порождать не нужду, а благоденствие. «Я полагаю, - писал Демулен, - что свобода - это не нищета, что она не заключается в том, чтобы иметь потертое платье, дыры на локтях... и носить деревянные башмаки; наоборот, я полагаю, что одним из условий, которое больше всего отличает свободные народы от народов поработанных, является отсутствие нищеты, отсутствие лохмотьев там, где существует свобода. Я далек от того, - продолжал Демулен, - чтобы приравнять свободу к голоду, наоборот, я полагаю, что только республиканское правительство способно создать богатство народов».¹⁵

Благодаря централизованному управлению, революционному правительству удалось с большим или меньшим успехом провести в жизнь закон о максимуме. Хотя, в конечном, счете, максимум и не разрешил проблему продовольственного кризиса, это не дает оснований считать, что он не достиг своего назначения. Вопреки утверждениям ряда правых буржуазных историков, следует признать, что, как нужная и полезная мера революционной борьбы, там, где он исполнялся и поскольку он исполнялся, товарно-продуктовый максимум охранял интересы трудящихся и эксплуатируемых и сыграл большую положительную роль как в экономическом, так и в политическом отношениях. В соединении с реквизициями и революционным террором, максимум дал возможность спасти от голодной смерти городскую и деревенскую бедноту, в первую очередь плебейство Парижа. Максимум дал якобинцам возможность организовать победу не только над внутренними, но и над внешними врагами, так как обеспечил снабжение армии продовольствием, оружием и снарядами. Принятие декрета о всеобщем максимуме способствовало тому, что с повестки дня был снят вопрос о реализации конституции 1793 г. и о смене Конвента. Вместе с тем этот декрет содействовал упрочению власти революционного правительства и сохранению политического руководства в руках робеспьеристов.

Вопрос о революционном терроре

Революционный террор, так же, как и максимум, был одной из внутривнутриполитических проблем, вызвавших особенно глубокие расхождения внутри якобинского блока и среди самих якобинцев, 5 сентября 1793 г., под давлением парижских санкюлотов, он был поставлен в порядок дня и оформлен законодательным путем.

Отношение санкюлотов к террору, как к наиболее эффективному политическому оружию борьбы вырабатывалось в процессе развития революции по восходящей линии. Летом 1793 г. в связи с обострением продовольственных затруднений, санкюлоты начали все решительнее настаивать на применении репрессивных мер по отношению к внутренним врагам республики - скупщикам, спекулянтам, контрреволюционерам. Требования санкюлотов нашли свое отражение в газетах «бешеных» (Жака Ру, Леклерка) и в газете одного из левых якобинцев - Эбера.

В дни плебейского натиска 4-5 сентября 1793 г. требование санкюлотов поставить террор в порядок дня сопровождалось конкретными указаниями на бывшую королеву и на арестованных депутатов-жирондистов, как на врагов республики, которых необходимо покарать в первую очередь.

Во исполнение декрета от 5 сентября 1793 г., одним из мероприятий, которые должны были обеспечить новый курс продовольственной политики якобинцев, была немедленная организация революционной армии, состоящей из санкюлотов. Количество этой армии было определено в 6000

человек пехотинцев и 1200 человек артиллеристов. На революционную армию возлагались следующие обязанности: подавление контрреволюции внутри страны, борьба с укрывателями предметов первой необходимости, продовольствия, реквизиция излишков хлеба в деревнях и отправка его в голодные города, в частности, в Париж; преследование скупщиков и спекулянтов.

Таким образом, на революционную армию возлагалось осуществление террора как в области политической, так и в области экономической.

Состав революционной армии определялся революционными комитетами секций, а особая комиссия из департаментских и коммунальных властей утверждала его. Устав армии носил относительно демократический характер волонтеры сами, большинством голосов, выбирали офицеров и унтер-офицеров, только высший командный состав утверждался Комитетом общественного спасения Начальником революционной армии был назначен левый якобинец генерал Ронсен.

Санкюлоты надеялись, что революционная армия сыграет существенную роль в осуществлении закона о всеобщем максимуме. Завершение формирования революционной армии Парижа и выделение Комитетом общественного спасения из ее состава 1500 человек для организации реквизиции хлеба для столицы были встречены санкюлотами с энтузиазмом.

Революционная армия, как вооруженная сила, состоявшая преимущественно из санкюлотов, «внушала опасение»¹⁶ Робеспьеру, что он и отметил в своей записной книжке 7 декабря 1793 г.

Останавливаясь на характеристике революционной армии, правые буржуазные историки уделяют преимущественное внимание некоторым теневым сторонам ее деятельности, чтобы опорочить в глазах читателей военную организацию санкюлотов. Однако, хотя, в основном революционная армия и состояла из лишенных военного опыта людей, иногда вольно или невольно злоупотреблявших своими полномочиями, причинявших иногда вред своими реквизициями и бывших не всегда бескорыстными и безупречными, все эти недостатки, безусловно искупались той положительной ролью, которую сыграла революционная армия. Санкюлоты, организованные в продовольственные отряды революционной армии, все же помогли революционному правительству в самый трудный для него момент провести в жизнь новую продовольственную политику.

За сравнительно короткий срок (два-три месяца), когда у революционной армии были развязаны руки, буржуазия убедилась, какую опасность представляет для нее эта военная организация. Поэтому, когда накануне своего падения руководители революционной армии поставили перед Конвентом вопрос об увеличении ее личного состава, мотивируя свое требование необходимостью обеспечить борьбу с контрреволюцией во всей стране, робеспьеристское правительство решительно отказалось удовлетворить эту просьбу. После разгрома левых якобинцев преимущества революционной армии постепенно были сведены на нет.

27 марта 1794 г. член Комитета общественного спасения Барер, выступая в Конвенте с докладом о революционной армии, был вынужден признать ее заслуги. Он заявил, что зачастую она была полезна, но иногда, по вине своего главнокомандующего, генерала Ронсена, она действовала вопреки целям своего назначения. По мнению Барера, революционная армия обладала хорошим республиканским духом, но в свободной стране она была антидемократической организацией, опасным оружием, и он высказался за ее упразднение, что и было декретировано Конвентом.¹⁷

Террор в области политической нашел свое дальнейшее развитие и углубление в декретах об иностранцах и о подозрительных.

5 сентября 1793 г. Конвент, по предложению Леонарда Бурдона, издал закон об иностранцах. Этот закон был вызван необходимостью обезопасить республику от шпионско-диверсионной деятельности агентов коалиции и от иностранцев-иммигрантов, многие из которых после победы восстания 31 мая-2 июня 1793 г., приведшего к власти якобинцев, заняли позицию враждебную по отношению к ним, Закон против иностранцев был чрезвычайной мерой, необходимость которой диктовалась военными и политическими соображениями.

Дальнейшим развитием этого закона явился декрет от 7 сентября 1793 г. о конфискации имущества иностранцев. На практике этот закон применялся с большой осмотрительностью. Против этого декрета особенно сильно возражали дантонисты, связанные с иностранными банкирами и поставщиками.

Закон против подозрительных был принят 17 сентября 1793 г.

Термин «подозрительный» употреблялся в политических кругах революционной Франции еще до событий 31 мая- 2 июня 1793 г., но в течение долгого времени все попытки определить круг лиц, которых можно было бы подвести под это понятие, оставались бесплодными.

5 сентября 1793 г. Билло-Варенн потребовал ареста всех контрреволюционеров и всех «подозрительных», и в принципе это предложение было принято Конвентом. Депутату-юристу Мерлену из Дуэ было поручено разработать и представить в Конвент проект соответствующего декрета. В проекте Мерлена термин «подозрительный» был распространен не на все категории противников революции, а предложенная им номенклатура «подозрительных» оказалась слишком расплывчатой и трудно применимой на практике

Следует отметить, что в силу закона 17 сентября «подозрительные» могли быть подвергнуты домашнему аресту или тюремному заключению, ни это еще не означало, что они подлежали суду революционной трибунала.

Закон о «подозрительных», принятый 17 сентября 1793 г., представлял собой революционную меру, призванную наряду с созданием революционной армии, несомненно, сыграть еще более важную роль в осуществлении политического террора по отношению к силам внутренней контрреволюции, которые, впрочем, как известно, всегда были тесно связаны с внешними врагами.

Прокурор Коммуны, левый якобинец Шометт не был удовлетворен определением понятие «подозрительный», дававшимся декретом Конвента от 17 сентября, в основу которого был положен проект Мерлена из Дуэ. Поэтому 10 октября Шометт представил в Генеральный совет Коммуны «Список признаков, по которым можно отличать подозрительных людей и на основании которых следует отказывать в выдаче свидетельства о благонадежности». Это был документ, требовавший усиления террора. Согласно этому «Списку» «подозрительными» являлись следующие лица:

«1. Те, которые, находясь на собраниях народа, ослабляют его энергию посредством коварных речей, гневных возгласов или угроз.

2. Те, которые, будучи более осторожными, тайно и сговорно говорят о несчастьях республики, скорбят о судьбе народа и всегда готовы с деланной скорбью распространять плохие известия.

3. Те, которые, в соответствии с характером событий, меняют свое поведение и свои речи; те, кто, умалчивая о преступлениях роялистов и федералистов (т.е. жирондистов), яростно нападают на малейшие ошибки патриотов и для того, чтобы казаться республиканцами, притворяются строгими и неподкупными, но тотчас же отступают, как только речь идет об умеренном или аристократе.

4. Те, которые жалеют жадных фермеров и торговцев, в отношении которых закон вынужден принимать строгие меры.

5. Те, которые со словами свобода, республика и отечество на устах посещают бывших дворян, контрреволюционных священников, аристократов, фельянов, умеренных и интересуются их судьбой.

6. Те, которые не принимали активного участия во всем том, что касается революции, и которые в свое оправдание ссылаются на уплату налогов и патриотических приношений, на службу в Национальной гвардии посредством заместительства или иным путем и т.п.

7. Те, которые с равнодушием встретили республиканскую конституцию и выражали ложную тревогу по поводу возможности ее установления и ее прочности.

8. Те, которые, ничего не сделав против республики, не сделали также ничего и для нее.

9. Те, которые не посещают собраний своих секций и ссылаются в свое оправдание на то, что они не умеют говорить или что им мешают их дела.

10. Те, которые с презрением говорят об установленных властях, об эмблемах закона, о народных обществах и о защитниках свободы.

11. Те, которые в свое время подписали контрреволюционные петиции или посещали антигражданские общества и клубы.

12. Странники Лафайета и убийцы Марсова поля»¹⁸ (т.е. организаторы расстрела республиканской манифестации 17 июля 1791 г.).»

Приведенный документ является ярким свидетельством террористических устремлений Шометта, как одного из левых якобинцев, и показывает, какое огромное значение придавали некоторые из них усилению и углублению политического террора в плане борьбы с внутренней контрреволюцией.

«Бешеные» - Жак Ру и Леклерк, настаивавшие летом 1793 г. на терроре, с оцепенением смотрели на его обратную сторону, на репрессии, направленные против них и их сторонников - выразителей и защитников интересов бедноты. «Когда я смотрю на аресты, которые причиняют горе стольким семьям, - писал арестованный 5 сентября Жак Ру, - когда я раздумываю о том, что подозрительные арестовываются по приказу еще более подозрительных людей, когда я вижу, что исполнение этого страшного закона поручено врагам народа, интриганам, которые злоупотребляют им, чтобы утолить свою ненависть, свой гнев, свое чувство мести по отношению к тем, которые имеют мужество разоблачать их мошенничества и их измены, по отношению к тем, которые проявили наибольшую

преданность делу народа, то мне хочется спросить - не живем ли мы в варварской стране, в которой для того чтобы быть осужденным, вполне достаточно быть богатым или добродетельным...».¹⁹

«Я знаю, что в современных условиях необходимо прибегать к крайним мерам... - продолжал Жак Ру. - Но я знаю также, что главным образом арестовываются не изменники, монополисты, спекулянты, скупщики, пиявки народа, а арестовывают больше невинных, чем виновных».²⁰

«Требовали, чтобы террор был поставлен в порядок дня, - читаем мы в газете Леклерка, - [в действительности же] в порядок дня поставлен роковой дух мести и необыкновенной ненависти. Сильный давит слабого и бросает его в тюрьму».²¹

Весьма важные документы по этому вопросу опубликованы недавно В.Марковым и А.Собулем.²²

Несмотря на то, что закон против иностранцев от 5 сентября и закон против «подозрительных» от 17 сентября 1793 г. оставляли широкие возможности для злоупотреблений и произвола, в условиях борьбы с контрреволюцией они сыграли свою положительную роль. Терроризируя агентов контрреволюции, роялистов, неприсягнувших священников, спекулянтов, эти законы были действенными средствами защиты республики от внутренних и внешних врагов.

Политические группировки, входившие в состав якобинского блока, разошедшиеся во взглядах на максимум, не проявили единодушия и в своем отношении к террору.

Дантониисты, первоначально не возражали против террора, на котором настаивали левые якобинцы, и из демагогических соображений даже поддерживали его. Однако, когда они убедились в том, что осуществление такого рода мер стало препятствовать развитию буржуазной экономики, что уравнивательные тенденции левых якобинцев, опиравшихся на террор, стали угрожать недвижимости и капиталам «новой» буржуазии, они сначала заговорили о смягчении, а затем и об упразднении террора. Заинтересованные в восстановлении дипломатических отношений с феодально-монархической Европой, дантониисты полагали, что ослабление террора является одной из основных предпосылок для примирения республиканской Франции с ее внешними врагами. Исходя из экономических и политических интересов крупной буржуазии, дантониисты уже в середине октября 1793 г. выступили против террора, как средства углубления революции и укрепления республики.

18 октября 1793 г. депутат-дантониист Лекуэнтр выступил в Конвенте с протестом против террористических действий революционных комитетов, выражавшихся в массовых арестах на основании нового закона о «подозрительных».²³ Через месяц, когда политическое положение Франции несколько улучшилось благодаря успешной борьбе с внутренней контрреволюцией и с европейской коалицией, дантониисты сочли момент подходящим, чтобы начать кампанию за смягчение и ограничение террора. Эту кампанию возглавил Дантон.

22 ноября 1793 г., выступая в Конвенте, Дантон потребовал «экономии человеческой крови», а 26 ноября, настаивая для отвода глаз на сохранении террора, он заговорил одновременно и об его ограничении. «Народ хочет, чтобы террор был поставлен и порядок дня, - заявил Дантон, но он хочет, чтобы террор поражал только действительных врагов республики и только их одних; народ не хочет, чтобы всякий, родившийся без революционного пыла, в силу одного этого, считался виновным».²⁵

3 декабря 1793 г., на заседании Якобинского клуба. Дантон уже просил (правда, под глухой ропот присутствовавших) «не доверять тем, которые хотят повести народ за пределы революции и предлагают ультрареволюционные меры».²⁶ В целях воздействия на более широкие общественные круги, дантониисты перенесли свою агитацию за смягчение террора с трибун Конвента и Якобинского клуба в печать, для чего и использовали свой орган - газету Камилла Демулена «Старый кордельер».

Крайне заинтересованный, как и все дантониисты, в смягчении и даже упразднении политики террора, Демулен выступил в третьем номере своей газеты с демагогическим предложением - заменить революционный террор свободой печати.

Ободренный благосклонным приемом, который был оказан третьему номеру «Старого кордельера» со стороны крупнобуржуазных кругов, Демулен в следующем номере газеты открыто поставил под вопрос все революционные репрессивные меры якобинского правительства и выдвинул требование - открыть тюрьмы для находящихся в них подозрительных и создать комитет милосердия.

Агитация Демулена за ослабление террора была, по существу, направлена и против революционного правительства опиравшегося на меры насилия, и против левых якобинцев, настаивавших на еще большем усилении террора. Преувеличивая ужасы террора и противопоставляя правительственной политике террора политику умеренности и снисхождения, Демулен подчеркивал жестокость революционной власти, вызывая по отношению к ней чувство недовольства, негодования и возмущения, подрывая ее авторитет.

Вполне естественно, что кампания за милосердие по отношению к заключенным «подозрительным», развернутая дантонистами на страницах «Старого кордельера», встретила резкий отпор со стороны левого якобинца Эбера, настаивавшего на углублении террора. В ответ на четвертый номер «Старого кордельера», Эбер зло высмеял Демулена и своим «Отце Дюшене». «Один осленок с длинными ушами, у которого никогда не было ни голоса, ни шпор, уже несколько дней бьет копытами, - писал Эбер про Демулена. - После того, как он защищал всех болтунов» Парижа, он превратился сегодня в поборника всех негодяев, сидящих в тюрьме, и требует, чтобы «открыли двери тюрьмы для тех двухсот тысяч граждан, которых считают «подозрительными». «Вот язык презренного интригана, - гневался «Отец Дюшен», - который осмеливается называть себя старым кордельером, старшим якобинцем. Но это не поможет, народ просвещен, он знает интриганов». Намекая на преступные связи дантонистов с Англией, Эбер заверял санкюлотов в том, что «со временем туманы Темзы рассеются», и они увидят «воочию всех действующих лиц».²⁷

В итоге следует признать, что политическая линия дантонистов, направленная против террора и революционного правительства и против левых якобинцев в тот момент, когда революционная Франция напрягала все свои силы для окончательного подавления внутренней контрреволюции и готовилась к смертельной схватке с европейской коалицией, была линией контрреволюционной, противоречившей нуждам защиты интересов нации и революции. Отказ в такой момент от системы террора мог быть расценен контрреволюционной коалицией как признак слабости.

Робеспьер, глава правящей партии, будучи наиболее последовательным буржуазным демократом, сумел прислушаться к требованиям народных масс. Он пошел не только на принятие всеобщего максимума, но и на применение террора к врагам революции, хотя первоначально и противился этим мерам. В своем выступлении в Конвенте, посвященном «принципам революционного порядка управления», Робеспьер очень четко определил свое отношение к террору. «Революционное правительство, - заявил Робеспьер, - нуждается в чрезвычайных мерах именно потому, что оно находится в состоянии войны... Революционное правительство должно избегать двух подводных камней: слабости и безрассудности отваги, модерантизма и эксцессов. Чем сильнее его власть, тем независимее и стремительнее его деятельность, тем более оно должно руководствоваться здравым смыслом».²⁸

Защита Робеспьером необходимости террора весьма характерна. В связи с тем, что французская буржуазная революция была первой революцией, которая прибегала к террору, как к «плебейскому» способу массовой расправы с контрреволюционерами, руководители якобинской диктатуры и были вынуждены обосновывать и защищать правомерность, законность (новую) такого рода насильственных мер.

Доказывая право народа на кровавую расправу со своими политическими противниками, робеспьеристы подходили в то же время к террору с узко классовых позиций. Они не были противниками террора как «плебейского» способа борьбы с их врагами - врагами буржуазии, но в то же время они, во-первых, проявили в отношении к террору свою классовую ограниченность, как мелкобуржуазных революционеров, направив его острие не только направо, но и налево - против идеологов и руководителей плебейских масс в лице «бешеных», а затем и левых якобинцев (эбертистов). Во-вторых, робеспьеристы не смогли при изменении внешнеполитической ситуации в пользу французской революции и фактического поражения ее внутренних врагов наметить постепенный отказ от системы революционного террора, что, несомненно, ускорило падение диктатуры 1793-1794 г.

Таким образом, борьба по вопросу о терроре, как методе массовой расправы с контрреволюционерами,²⁹ способствовала образованию двух лагерей внутри якобинской коалиции, а именно: лагеря сторонников террора - робеспьеристов и левых якобинцев - и лагеря его противников - дантонистов. Одни стояли за революционные меры борьбы, другие - за конституционные и, конечно, правы были так называемые «террористы», то есть Робеспьер и Эбер.

Всемерная поддержка террора плебейскими массами и политическими защитниками их интересов имела глубокий социальный смысл. Террор удовлетворял непосредственные насущные требования плебейства, обеспечивая осуществление закона о товарно-продуктовом максимуме. Направленный против врагов революции, против врагов народа - скупщиков, крупных фермеров и контрреволюционеров, террор этот был в 1793-1794 г., по словам В.И.Ленина, «настоящим, всенародным, действительно обновляющим страну террором, которым прославила себя Великая французская революция».³⁰

Сыграв первостепенной важности роль как политическое орудие в борьбе с внутренней контрреволюцией и экономическим кризисом, террор имел большое значение и как военная мера в деле защиты республики. Наряду с максимумом, террор способствовал организации победы, так как он помогал обеспечивать армию продовольствием, обмундированием, вооружением и боеприпасами. К весне 1794 г. военная промышленность Франции достигла небывалых размеров. «Что касается террора, - писал Ф.Энгельс, - то он был по существу военной мерой до тех пор, пока вообще имел смысл. Класс или фракционная группа класса, которая одна только могла обеспечить победу революции, путем террора не только удерживала власть (после подавления восстаний это было нетрудно), но и обеспечивала себе свободу действий, простор, возможность сосредоточить силы в решающем пункте, на границе».³¹

В то же время объективно революционный террор действовал в конечном итоге в интересах буржуазии, способствуя выполнению основной задачи буржуазной революции - уничтожению феодализма. По словам К.Маркса «господство террора во Франции ударами своего страшного молота» стерло «сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции».³² «Весь французский терроризм, - писал Маркс, - был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством».³³

Давая оценку террору эпохи французской буржуазной революции конца XVIII века, мы никоим образом не должны забывать его двойственный характер. Если взять террор в социальном смысле, в плане борьбы с феодализмом, с внешней и внутренней контрреволюцией, то его значение, как меры революционной борьбы, огромно.

Однако якобинцы ставили перед террором и другую задачу - задачу укрепления нового буржуазного общества, которая осуществлялась ими путем энергичного применения террора и против всяких попыток самостоятельного движения народных «низов» за удовлетворение своих - плебейских - социально-экономических требований. В связи с этим закон о «подозрительных» обрушился не только на врагов революции, но и на подлинных защитников интересов народа, например, на «бешеных», в первую очередь на Жака Ру и его единомышленников, затем на многих деятелей секционного движения, на рабочих и батраков, выступавших со своими социальными требованиями. Не случайно одновременно с усилением террора были запрещены женские революционные клубы, было сокращено число секционных заседаний до двух в неделю, а революционные комитеты секций были подчинены, минуя Коммуну, непосредственно центральным руководящим органам диктатуры. Вполне естественно, что такой террор, замахивавшийся на защитников интересов плебейства и на само плебейство, не может и не должен получить с нашей стороны положительной оценки.

Кроме того, Ф.Энгельс пришел к определенному выводу о том, что после победы Робеспьера, с одной стороны, над Коммуной Парижа с ее крайним направлением, с другой, над Дантоном, и после победы французских революционных войск при Флерюсе 26 июня 1794 г. террор в целом терял почву, делался абсурдным и ненужным, так как превращался для Робеспьера в средство самосохранения, в орудие удержания власти в его руках.³⁴

Таково было основное содержание и итоги борьбы течений в якобинском блоке по вопросу о всеобщем максимуме и революционном терроре осенью и зимой 1793-1794 г.

Примечания

1 См. об этом выше, стр. 113-114. - Ред.

3 «Pere Duchesne», № 271, около 11 августа 1793 г.

4 «Pere Duchesne», № 274, около 17 августа 1793 г.

5 См. подробнее об этом: Р.М.Тонкова-Яковкина. Движение народных масс Парижа 4-5 сентября 1793 г. («Плебейский натиск»). Сб. «Из истории общественных движений и международных отношений» в память акад. Е.В.Тарле, М., 1957, стр. 209-224.

- 6 «Pere Duchesne», № 283, около 10 сентября 1793 г. Выдел. нами. - *P. T.*
- 7 «Moniteur», Reimpression, t. XVII, p. 728.
- 8 «Pere Duchesne», около 24 сентября 1793 г.
- 9 Закон 29 сентября устанавливал наивысшую заработную плату рабочих и ремесленников, путем увеличения на 50% ставок 1790 г., в то время как рыночные цены на продукты питания фактически увеличились значительно больше.
- 10 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 508-509.
- 11 A. Mathiez. Le Directoire. Du II brumaire an IV au 18 fructidor an V, publie d'apres les manuscrits de l'auteur par T. Godechot. P., 1934, p. 161.
- 12 Correspondance de Maximilien et Augustin Robespierre, recueillie et publie par G. Michon. P., 1926, p. 247.
- 13 «Pere Duchesne», № 345, около 12 февраля 1794 г.
- 14 Такой вывод делал, например, 16 ноября 1793 г. Шабо в своем докладе Комитету общей безопасности об иностранном заговоре, а также в своих письмах из тюрьмы Дантону, Робеспьеру и Мерлену из Тионвиля.
- 15 «Le Vieux Cordelier», VI, переиздан под ред. H. Calvet. P., 1936, стр. 188.
- 16 A. Mathiez. Robespierre terroriste. P., 1921, p. 75.
- 17 Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Revolution francaise, t. XXXII, p. 61-62. О деятельности революционной армии до сих пор не написано обобщающего марксистского исследования. Антиреволюционная и антисоветская книга, вышедшая в Париже в 1930 г. - A. Hardengue. Les gardes rouges de l'an II. L'armee revolutionnaire et le parti hebertiste d'apres les documents inedits не может быть принята во внимание. Современный прогрессивный историк Р. Кобб, изучающий деятельность революционной армии, приходит к категорическому выводу о том, что «отряды (революционной армии) не проявили себя как грабители, анархисты и наемные убийцы, какими их пытались изобразить после падения эбертистов, а также, впоследствии в многочисленных исторических исследованиях» (R. Cobb. L'armee revolutionnaire dans le district de Pontoise (brumaire-germinal an II). Annales historiques de la Revolution francaise, 1950, p. 209.) См. также ряд других его работ по этому вопросу, обобщенных сейчас в сводном двухтомном труде.
- 18 «Moniteur», Reimpression, t. XVIII, p. 89-90.
- 19 «Le Publiciste de la Republique Francaise, par l'Ombre de Marat», № 2656 du 13-15 septembre 1793.
- 20 Ibidem.
- 21 «L'Ami du Peuple», par Leclerc (de Lyon), № XXIV du 15 Septembre 1793.
- 22 См. «Die Sansculotten von Paris», В., 1957, S. S. 334, 338, 339, 362-366, 370-374.
- 23 «Moniteur», Reimpression, t. XVIII, p. 160.
- 24 Ibidem, p. 493.
- 25 Ibidem, p. 542.
- 26 «Le Societe des Jacobins», t. V, p. 542.
- 27 «Pere Duchesne», № 328, около 26 сентября 1793. Цитир. по книге: Gerard Walter. Hebert et le «Pere Duchesne». Paris-Dijon, 1946, p. 172.
- 28 Buchez et Roux, op. cit., t. XXX, p. 450, 461, 463. М. Робеспьер. Революционная законность и правосудие. М., 1959, стр. 193-203.
- 29 Реакционные историки значительно преувеличивают количество жертв революционного террора, гораздо меньшее, чем число жертв белого террора термидорианцев. (См. A. Mathiez. Quel fut le nombre des suspects? Annales historiques de la Revolution francaise, t. VI, 1929, № 1).
- 30 В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 35.
- 31 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 299.
- 32 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 114.
- 33 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 82.
- 34 Там же, стр. 162.